

Отец Андрей Колесников

МАШИНЫ ЗАВЕРЕНИЯ В ТОМ,
ЧТО СКОБКИ ЕЙ НИСКОЛЬКО НЕ МЕШАЮТ,
ЗВУЧАЛИ НЕУБЕДИТЕЛЬНО, ПОТОМУ ЧТО
Я ПОЧТИ НИЧЕГО НЕ МОГ РАЗОБРАТЬ ИЗ ЕЕ ЗАВЕРЕНИЙ

УЖЕ И НЕ ОЧЕНЬ понятно, кому показалось, что у Маши неправильно растут зубы. Мне, например, кажется, что все хорошо. Красивые крепкие белые зубы. Всем бы такие! Но вот сложилось впечатление, что Машины зубы растут не так, как надо. А интересно, а кому надо? Маше или кому-то еще? Может, мальчику какому-нибудь понадобилось, чтобы они росли по-другому.

Я не уследил за этой историей. Как-то утром я просто узнал, что они едут к зубному врачу ставить скобки.

— Какие скобки? — удивился я.

— Такие скобки на зубы, — объяснила Маша. — Я их буду носить четыре месяца.

Она с удивительной покорностью относится к такого рода издевательствам над ней. Когда мне показалось, что она начала стремительно толстеть, мы посадили ее на диету — и она села и была яростной сторонницей всех ограничений, которые на нее наложили мы, и еще пару наложила на себя сама — в виде такой епитимьи, очевидно. И потом, когда, например, в гостях взрослые великодушно предлагали ей съесть какую-нибудь сладость, она небрежно отвечала:

— У меня диета. Мне нельзя. Я худею.

И она похудела. На это ушло совсем немного времени. В таком возрасте люди, наверное, худеют еще быстрее, чем толстеют.

И вот ей поставили эти скобки. В тот день я приехал домой поздно вечером, дети уже спали, и только наутро я их увидел.

Вообще-то я предполагал, что это будут не скобки, а общеизвестные брекететы. Их носят и взрослые люди, решившие, что не все у них в жизни так правильно, как им хотелось бы, в том числе и их зубы.

Но нет, это были не брекететы, а именно скобки. Стальная, видимо, проволока намертво схватывала верхний ряд зубов Маши и, честно говоря, мешала ей говорить. Во всяком случае, ее заверения в том, что скобки ей нисколько не мешают, звучали неубедительно, потому что было такое впечатление, что рот у нее полон камней, и я почти ничего не мог разобрать из ее заверений.

Но главное, Маша приняла скобки близко к сердцу и осознала, что она будет носить их четыре месяца не снимая.

Впрочем, оказалось, что она их все-таки снимает. Она призналась в этом на следующий день.

— Папа, — сказала она, — там есть такие замочки: раз — и они снимаются...

— Зачем ты их снимаешь? — спросил я.

— А я пока не привыкла, поэтому и снимаю, — рассказала она. — Это было вчера, а сегодня уже привыкла.

— То есть не будешь снимать? — уточнил я.

— А зачем? — переспросила она.

Следующим утром я проснулся, когда еще было темно. Проснулся, как от толчка, от пронзившей меня мысли: да ведь она может проглотить их!

Я напряженно думал. Если там есть замочки, которые можно расстегнуть, то они ведь могут и расстегнуться сами. Ну а потом все понятно. Да, скобки немаленькие, но чего только дети не могут проглотить.

Я вспомнил, как мне рассказывали про выставку вещей, которые глотали дети. Да, была такая выставка. И там, например, была дужка от ведра. Банка из-под майонеза.

На этом фоне скобки выглядели, так сказать, детской забавой. Во сне разве нельзя их проглотить? Они же мешают ей, и она во сне шевелит языком, подсознательно пытается от них избавиться. То есть вот это подсознательное шевеление языком может привести к тому, что замочки расстегнутся.

Я ничего не стал говорить об этом Маше. Но поговорил с ее мамой.

— Алена, — сказал я, — ты не думаешь, что Маша может проглотить скобки?

— Нет, — сказала она, — не думаю.

— Почему? — удивился я.

— Потому что это невозможно, — сказала она.

— Но там же замочки...

— Она уже привыкла к скобкам, — разъяснила Алена, — и ничего страшного произойти не может.

Тогда я позвонил нашему доктору. Она не специалист по стоматологии, но доктор очень высокой квалификации.

— Дело в том, — сказал я ей, — что Маше поставили такие скобки на зубы, она будет носить их четыре месяца, и я серьезно боюсь, что она может их проглотить. Как вы думаете, что делать?

— Ничего, — сказала она. — Все носят.

— Но они снимаются!

— Вряд ли они могут сняться сами, — сказала она. — Я не понимаю, как это может произойти.

Но на всякий случай лучше проконсультироваться у заведующей нашим стоматологическим отделением. Приезжайте.

Я все понял, но не мог ждать уже ни минуты.

Я позвонил Маше.

— Послушай, — спросил я, — ты больше не снимаешь скобки?

— Снимаю, конечно, папа, — сказала она. — По-

сле каждой еды я должна полоскать зубы. И потом, как же иначе я зубы буду чистить, если скобки снимать не буду?

— А как все чистят, кто скобки носит? — спросил я.

— Я не знаю, как все чистят, — задумчиво произнесла она. — Ты считаешь, не надо снимать?

— Не надо! — сказал я.

— А врач, который скобки ставил, сказал, что надо, — так же задумчиво продолжила она. — Два раза в день надо чистить зубы, а потом той же щеткой, которой я чистила зубы, надо чистить скобки.

— Это врач тебе сказала? — поразился я. Я сразу представил себе, что от такого частого употребления механизм замочков очень быстро разработается.

— Ты можешь аккуратно их носить? — с мольбой, которую уже не мог скрывать, сказал я. — Ты хоть понимаешь, что ты их можешь проглотить?!

Я не собирался ей этого говорить. Оно у меня вырвалось. Я не хотел травмировать ее этой мыслью. Но я, видимо, уже не мог и молчать об этом.

— Понимаю, — тихо сказала Маша.

— Например, во сне, — не мог уже остановить себя я. — Они же могут соскочить.

— Папа, — сказала Маша, — да они уже соскочили.

— Когда? — переспросил я.

— Вчера, — сказала Маша. — Вчера ночью. Я нашла их утром около подушки. Но я их сразу надела!

— Так, — сказал я, — я тебе перезвоню.

Но сначала я перезвонил Алене.

— Ты знаешь, что скобки уже соскакивали?! — закричал я. — Они соскочили во сне! Замочки расстегнулись! Я же про это и говорил!

Это и правда был какой-то кошмарный сон.

— Вряд ли это могло произойти, — сказала Алена. — Давай я тебе перезвоню.

Как потом выяснилось, она сразу позвонила Маше. В новой интерпретации история выглядела по-другому. Маша вроде бы сказала маме, что она сама на ночь сняла скобки и положила их под подушку.

Это мне и передала Алена.

— То есть Маша рассказала две разные истории? — переспросил я. — И какая из них правдивая?

Алена почему-то настаивала, что ее версия более правдоподобна.

Тогда я спросил у Маши:

— Так где все-таки правда?

— Они с меня соскочили. Я же тебе говорила уже, — с недоумением сказала Маша.